

ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНОПРОШЕДШАГО.

I.

Прочитавъ въ 7-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» нынѣшняго года статью: «Любопытныя показанія графа Закревскаго», я встрѣтилъ въ ней опредѣленіе моей собственной личности. Отзывъ графа Закревскаго (какъ вѣрно предугадано издателемъ) вызвалъ не только во мнѣ, но и во всѣхъ слушателяхъ, бывшихъ у меня при чтеніи «Русскаго Архива», громкій смѣхъ.

Оправдалась на графѣ Закревскомъ старинная Русская поговорка: «какъ аукнется, такъ и откликнется». Москва казалась ему какимъ-то немирнымъ Кавказомъ, и онъ не разъ говаривалъ мнѣ, что въ Москвѣ нуженъ зоркій глазъ, чтобы знать и вѣдать теченіе частной жизни, и сообразно этому слѣдить за Московскими аулами и за-садами. На это я ему, шутя, отвѣчалъ, что опасности никакой нѣтъ, потому что храбрый генераль Ермоловъ живетъ съ нами.

Въ настоящее время этотъ страхъ графа Закревскаго за возмущеніе въ Москвѣ, могущее произойти отъ того, что гдѣ-либо съѣдутся пять-шесть человѣкъ и засидятся за полночь, не играя въ карты, былъ бы объясненъ словомъ *психопатія*. Въ припадкахъ такой подозрительности воображеніе графа Закревскаго создавало для него разныя небылицы, для разъясненія которыхъ у него не находилось, въ его собственномъ мышленіи, никакихъ возраженій, и вотъ онъ, какъ человѣкъ убѣжденный въ дѣйствительности предполагаемыхъ страховъ, и, какъ вѣрный слуга по своей должности, и при томъ старый другъ графа А. Ѳ. Орлова, сообщалъ ему свои сновидѣнія, которыя въ сущности были чистѣйшею клеветою.

За то и Москва не щадила графа Закревскаго по части клеветы, рассказывая вездѣ о его личныхъ поборахъ и о займахъ безъ отдачи, которые будто дѣлали его жена и дочь. Прочитавъ теперь (черезъ 25 лѣтъ) взведенную на меня ни съ чѣмъ несообразную и несходную съ моимъ внутреннимъ направленіемъ и образомъ всей моей жизни и дѣятельности напраслину, отвѣчаю на нее громогласнымъ заявленіемъ, что всѣ сыпавшіеся на графа Закревскаго и его семейство упреки въ поборахъ составляютъ чистѣйшую ложь и выдумку. Графъ Закревскій никакихъ денежныхъ интересовъ изъ своей службы не извлекалъ, и я это говорю какъ бывшій Московскій откупщикъ во времена его генераль-губернаторства; потому что я знаю, что ни графъ Закрев-

скій, ни семья его не составляли для откупа ни копѣйки расхода. Между тѣмъ денежныя недостатки на покрытіе долговъ, сдѣланныхъ его дочерью, сильно угнетали графа, и онъ, сознаваясь въ этомъ, предложилъ мнѣ (въ 1851 году) купить за 70 т. р. его Петербургскій домъ (нынѣ графа Зубова, противъ Исаакіевскаго собора). Выразивъ готовность исполнить это, я тогда же возразилъ графу Закревскому, что если оцѣнить домъ этотъ въ 100 т. рубл., то и тогда покупку можно считать выгодною. Графъ отвѣчалъ, что ему болѣе 70 т. не даютъ, и то съ разсрочкою половины денегъ на два года, а такъ какъ ему нужно всѣ 70 т. получить разомъ, то онъ и просить освободить его отъ дома. Домъ былъ мною приобрѣтенъ за назначенную графомъ цѣну и черезъ 4 года послѣ того проданъ вдвое дороже, за 140 тысячъ. Изъ этого ясно обрисовывается честность графа въ денежныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти его не осталось никакихъ капиталовъ.

Рядомъ съ этимъ высокимъ достоинствомъ, которое соблюдалъ графъ Закревскій твердо и неуклонно, также твердо существовала другая, такъ-сказать, больная сторона его натуры: это мнимая необходимость вмѣшиваться въ частную жизнь Москвичей и видѣть въ каждомъ малозначительномъ случаѣ потрясеніе правительственной власти. Такъ напримѣръ, Хомяковъ носить бороду; это доходитъ до свѣдѣнія графа, и онъ посылаетъ къ нему съ бумагою (1856 года) квартальнаго надзирателя, въ которой сказано, что Алексѣй Степановичъ долженъ обриться. Нужно ли говорить о томъ, какъ это огорчило и покорибило всю Москву? Борода на лицѣ дворянина почему-то казалась тогда протестомъ противъ существующаго правительственнаго строя. Точно также порицаніе крѣпостнаго права и всякое сочувствіе къ освобожденію крестьянъ вызывали не только гнѣвъ, но и безконечную злобу графа Закревскаго на каждого, кто осмѣливался желать уничтоженія крѣпостной зависимости.

Окончу тѣмъ, что я пользовался отличнымъ расположеніемъ графа Закревскаго около десяти лѣтъ; но оно сразу лопнуло и превратилось въ озлобленіе, лишь только графъ узналъ отъ меня же самаго, что я всею душою благоговѣю предъ мыслию Царя-Освободителя объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства.

Когда нибудь я напишу два портрета графа Закревскаго: одинъ по вопросу о бывшихъ въ Москвѣ широкихъ празднествахъ при встрѣчѣ Севастопольскихъ моряковъ, гдѣ увидать графа Закревскаго горячимъ патріотомъ, восторгавшимся подъемомъ Русскаго духа. На заключительномъ обѣдѣ означенныхъ празднествъ я произнесъ тостъ «за славное и могучее Русское горе». На другой день

графъ Закревскій пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и предложилъ тостъ за здоровье того, кто въ Русскомъ горѣ видитъ мощь и силу. При этомъ графъ Закревскій сказалъ мнѣ, что митрополитъ Филаретъ къ этому тосту прибавилъ, какъ бы въ подтвержденіе его вѣрности, слова изъ Псалтыри: «въ скорби моей распространилъ мя еси».

Совеѣмъ другой портретъ графа Закревскаго выдѣтъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Изъ многихъ моихъ разговоровъ съ графомъ по этому вопросу приведу здѣсь слѣдующія слова его: «Развѣ можетъ держаться куполъ, когда столбы, на которыхъ онъ основанъ, будутъ уронены? Ну чтѣ вы на это скажете?» Отвѣтъ мой былъ такой: «Если вы хотите уподоблять крестьянскій вопросъ архитектурному зданію, то позвольте сказанное вами выраженіе дополнить. Столбы, поддерживающіе куполъ, должны стоять на твердомъ грунтѣ; но если въ этомъ грунтѣ существуютъ свободные казенные крестьяне и крѣпостные, то послѣдніе невольно, время отъ времени, при неравенствѣ грунтовыхъ слоевъ, произведутъ осадку зданія, могущую повредить столбы и куполъ, тогда какъ при однообразіи грунта столбы будутъ вѣчно твердыми». На это графъ отвѣчалъ: «Все это книжки, а намъ надо жить какъ прежде жили, не слушая говоруновъ».

Я увѣренъ, что еслибы графу Арсенію Андреевичу было прямо и рѣшительно сказано, что освобожденіе крестьянъ должно неминуемо совершиться, но что при этомъ надобно обсудить какъ лучше устроить это дѣло въ смыслъ сохраненія дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ и еслибы для обсужденія этого вопроса, вмѣсто говоруновъ, былъ назначенъ въ комитетъ самъ графъ Закревскій: то онъ придумалъ бы лучше всѣхъ средство къ упроченію сельскаго хозяйства въ дворянскихъ имѣніяхъ и на крестьянскихъ земляхъ; потому что въ имѣніяхъ графа Закревскаго существовали въ жизни всѣхъ его крестьянъ благоустройство и довольство.

В. Коковревъ.

2 Іюля 1885.

Ушани.

Да, еще забылъ сказать, что въ зиму 1857 года, когда я жилъ въ Москвѣ, явилась какая-то пѣгая лошадка въ саночкахъ, которая стояла вблизи моего дома и всюду меня преслѣдовала, куда бы я ни ѣхалъ. Въ саняхъ сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ статское платье. Послѣ оказалось, что это переодѣтый квартальный. Одновременно съ пѣгой лошадкой появился на дворѣ моего дома разнощикъ со спичками, только что входившими во всеобщее употребленіе; разнощикъ этотъ также оказался изъ полицейскихъ. Вотъ въ этихъ мѣропріятіяхъ, вѣроятно, и выражается исполненіе того распоряженія,

о которомъ графъ Закревскій говорить въ письмахъ своихъ къ князю Орлову, появившихся теперь въ «Русскомъ Архивѣ».

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ учрежденія означеннаго надзора, я написалъ письма къ жандармскому генералу (эту должность занималъ тогда высокочтимый всей Москвой С. В. Перфильевъ) и къ Московскому оберъ-полиціймейстеру, прося дозволить мнѣмому разнощику, вмѣсто спичекъ, продавать сбитень, который во время бывшей тогда морозной зимы приносилъ бы кучерамъ своего рода пользу, и что сумму, потребную на сбитень, я обязуюсь доставлять впередъ за мѣсяцъ. Послѣ этихъ писемъ, какъ рукой сняло: не стало ни пѣгой лошадки съ переодѣтымъ квартальнымъ, ни спичечнаго разнощика.

В. К.

(Продолженіе будетъ).

Мысль о томъ, что, еслибы графъ Закревскій былъ увѣренъ въ безповоротности рѣшенія свыше и еслибы его самого призвали къ участию, то онъ былъ бы отличнымъ сотрудникомъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса,—есть мысль исторически-вѣрная. Въ этомъ убѣдится всякій, читавшій біографію его друга, графа Киселева, сочиненіе Заблоцкаго-Десятовскаго, наполненное письмами графа Закревскаго. Завзятые враги сего послѣдняго должны были совсѣмъ измѣнить свои понятія о немъ, когда появилась въ свѣтъ эта книга.

Графъ Закревскій умеръ во Флоренціи, черезъ шесть лѣтъ послѣ увольненія изъ Москвы. Тогда прїѣзжалъ во Флоренцію путешествовавшій по Европѣ Наслѣдникъ-Цесаревичъ Николай Александровичъ, которому воспрещено было принять явившагося къ нему на поклонъ графа Закревскаго. Увѣряютъ, что это обстоятельство жестоко поразило старика и содѣйствовало его кончинѣ. Бывшій адъютантъ его (по Финляндскому генераль-губернаторству) Н. В. Путята помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 года краткое и доселѣ единственное обзорнѣе его служебной дѣятельности, связанной съ важными событіями и свѣтлыми воспоминаніями новой Русской исторіи.

Въ Юньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ нынѣшняго года А. В. Фигнеръ изобразилъ графа Арсенія Андреевича съ достолюбезныхъ сторонъ его характера. Графъ Закревскій сообщалъ Фигнеру, что въ мѣрахъ своихъ противъ представителей Московской умственной жизни исполнялъ онъ только приказанія императора Николая Павловича, внутренняя политика котораго, за послѣднее семилѣтіе, напоминала извѣстную комедію Екатерины Великой о Горѣ-Богатырѣ. Не таковъ былъ великій Государь въ инныя эпохи своего долгаго царствованія, какъ это видно и по нижеслѣдующему историческому документу. Позоръ тѣмъ, кто умѣли омрачить свѣтлый его умъ и не допускать до него правды, которой постоянно алкала высокая душа его. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНОПРОШЕДШАГО.

II.

Въ первой статьѣ, помѣщенной въ 9-мъ выпускѣ «Русскаго Архива», мною сказано, что я долго пользовался отличнымъ расположеніемъ графа А. А. Закревскаго, и вотъ по какому поводу.

Между дочерью графа Закревскаго и ея мужемъ графомъ Нессельродомъ были прерваны всѣ отношенія. Разъѣздъ супруговъ послѣдовалъ послѣ рожденія сына, который оставался въ Петербургѣ въ домѣ графа Нессельрода.

Графъ Закревскій ни отъ кого не скрывалъ угнетавшей его скорби по случаю означеннаго разлада и особенно сокрушался тѣмъ, что не можетъ видѣть и ласкать своего внука, которому было тогда около двухъ лѣтъ. Отношенія между графомъ Закревскимъ и старикомъ К. В. Нессельродомъ до того обострились, что ни личныя, ни письменныя объясненія сдѣлались невозможными. Графъ Закревскій такъ сильно желалъ хотя на двѣ недѣли видѣть внука у себя въ Москвѣ, и такъ въ этомъ отчаявался, что разговоръ о внукѣ, котораго онъ никогда не видалъ, заставлялъ его плакать. Я вызвался хлопотать о томъ, чтобы внукъ былъ отпущенъ въ Москву въ гости, и мнѣ посчастливилось этого достигнуть. Когда этотъ внукъ уже сидѣлъ на колыбеляхъ у графа Закревскаго въ Москвѣ, то онъ не разъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ сдѣланнаго ему одолженія и при этомъ пожелалъ знать, давно ли я извѣстенъ графу Нессельроду и какими путями достигнуто то, что въ одинъ прекрасный день подѣхалъ къ дому генералъ-губернатора въ Москвѣ дорожный дормезъ, въ которомъ находились Англичанка и няня съ ребенкомъ-внукомъ и сопровождавшею ихъ прислугой. Я отвѣчалъ, что я не только неизвѣстенъ графу Нессельроду, но даже никогда его не ви-

дать; но у меня сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что нельзя допустить такой мысли, чтобы извѣстный дипломатъ, какъ графъ Нессельродъ, находилъ нужнымъ передать вражду молодыхъ супруговъ родившемуся отъ нихъ ребенку и черезъ это самое, быть можетъ, лишить своего внука всякаго наслѣдства послѣ отца его матери; и что, напротивъ того, привозъ въ Москву внука высоко подыметъ въ понятіяхъ всѣхъ безпристрастность графа Нессельрода. Все это, по моему указанію, было передано графу Нессельроду въ видѣ совѣта челоувѣкомъ, котораго онъ близко зналъ и особенно уважалъ. Внуку прогостилъ въ Москвѣ два-три мѣсяца, и эта незначительная съ моей стороны услуга послужила крѣпкою связью расположенія ко мнѣ графа Закревскаго.

Теперь я коснусь тѣхъ обстоятельствъ, которыя появились случайно, шли своимъ постепеннымъ ходомъ и не только угасили ко мнѣ расположеніе графа Закревскаго, но даже въ его понятіяхъ я очутился возмутителемъ, желающимъ безпорядковъ и готовымъ, по выраженію его, на что-то такое — «на всё». Такое заключеніе было имъ передано особѣ, имѣвшей сильную власть, князю А. Ѳ. Орлову, и если все это кончилось только квартальнымъ, развѣзжавшимъ за мною на пѣгой лошаdkѣ, безъ поѣздки на безсрочное время въ какой-нибудь Малмыжъ или Тотму, то конечно за это я обязанъ благодушію Царя-Освободителя, обязанъ его мудрому и вѣрному воззрѣнію на тѣхъ, въ комъ кроется дѣйствительная виновность противъ власти и въ комъ эта виновность проявляется въ глазахъ отсталыхъ людей отъ одной лишь восторженности къ великой мысли освобожденія крестьянъ, представителемъ которой никто не могъ быть кромѣ Государя.

Восторженность моя по вопросу объ освобожденіи крестьянъ была, такъ сказать, случайно подогрѣта слѣдующимъ событіемъ. Не знаю, ко благу моему или ко вреду, я узналъ еще въ 1856 году, т.-е. за годъ до извѣстныхъ рескриптовъ Виленскому генералъ-губернатору, про намѣреніе Государя освободить крестьянъ. Это случилось такъ. Вскорѣ послѣ коронаціи Государя въ Москвѣ, въ исходѣ 1856 года, случилось мнѣ захватъ на Пречистенку къ Алексію Петровичу Ермолову, у котораго я очень часто бывалъ, и когда я отворилъ дверь его кабинета, то увидалъ, что передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ попечитель Московскаго учебнаго округа Владимиръ Ивановичъ Назимовъ, цѣлуя его руку и получая отъ него благословеніе. Разумѣется, я тотчасъ же вышелъ изъ кабинета, видя, что происходитъ дѣйствіе какой-то особой важности. Минуть черезъ пять Назимовъ уѣхалъ, и я вошелъ въ кабинетъ. Ермоловъ, молча, подаль мнѣ руку и указалъ

на стулъ возлѣ своего сосноваго письменнаго стола. Я сѣлъ. Минуть десять продолжалось молчаніе, и я не посмѣлъ его нарушить; но потомъ Алексѣй Петровичъ всталъ и сказалъ мнѣ: «*молитесь вмѣстѣ со мною*». Мы сдѣлали поклоновъ десять земныхъ, при чемъ послѣ каждаго поклона я помогаль рыдавшему огромному старцу подниматься на ноги. Мы сѣли, и опять продолжалось молчаніе, которое чрезъ нѣсколько времени было прервано словами Ермолова: «*зардѣлась заря освобожденія крестьянъ*». Тутъ Алексѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ, что генераль-адъютантъ Назимовъ, получивъ отъ Государя назначеніе въ Вильну генераль-губернаторомъ и выслушавъ отъ Его Величества для всѣхъ еще сокровенное, но твердое рѣшеніе его освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пріѣхалъ къ Алексѣю Петровичу, какъ къ своему крестному отцу, получить отъ него благословеніе на предстоявшій великій подвигъ, начало котораго должно было возродиться въ Литовскихъ губерніяхъ.

Вѣроятно, благосклонный читатель согласится, что видъ А. П. Ермолова, съ его львиной головой, покрытой густымъ облакомъ сѣдыхъ волосъ, молящагося земными поклонами, со слезами радости, и потомъ произносящаго слова: «*зардѣлась заря освобожденія крестьянъ*», не могъ не воспламенить кого бы ни было. Изъ дальнѣйшаго продолженія настоящей статьи будетъ видно, что я рѣшился идти на встрѣчу столкновеньямъ даже съ графомъ Закревскимъ, не смотря на то, что онъ былъ генераль-губернаторъ, а я Московскій откупщикъ, котораго графъ могъ, какъ говорилось встарь, согнуть въ бараній рогъ. Не могу не сказать здѣсь, что, во все время столкновенья, графъ А. А. Закревскій ни разу не проявилъ никакого дѣйствія, относящагося къ стѣсненію моихъ дѣлъ. Графъ былъ всегда чуждъ мстительности по текущимъ дѣламъ; но тамъ, гдѣ дѣло касалось потрясенія крѣпостнаго права, онъ былъ неузнаваемъ и грозенъ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что и предъ Государемъ въ этомъ вопросѣ онъ не склонялся на его сторону.

Литовскіе рескрипты вышли 20-го Ноября 1857 года; но графъ Закревскій о новомъ вѣяннѣ по освобожденію крестьянъ сталъ говорить со мной мѣсяца за два до появленія означенныхъ рескриптовъ, тогда какъ появленіе ихъ было предрѣшено разговоромъ Государя съ Назимовымъ мѣсяцевъ за десять, и изъ этого ясно, что графъ Закревскій не зналъ того, зачѣмъ именно поѣхалъ Назимовъ въ Вильну.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ рескриптамъ, я видѣлся съ графомъ Закревскимъ часто, и онъ каждый разъ

сводилъ разговоръ на освобожденіе крестьянъ, относясь къ этому не только несочувственно, но даже вполне непріязненно. Трудно, разумеется, по прошествіи 25 лѣтъ, представить эти разговоры въ послѣдовательномъ порядкѣ, и по неволѣ надобно ограничиться только воспоминаніемъ о тѣхъ словахъ, которые имѣютъ наибольшій интересъ. «Ну, помилуйте», говорилъ графъ, «можно ли вообразить себѣ, чтобы послѣ безславнаго Парижскаго мира Александръ II-й рѣшился сдѣлать то, на что не посягнулъ Александръ I-й послѣ достославнаго взятія Парижа? Все это пустыя басни, нелѣпые разговоры, смущающіе народъ и пригодные только для возмутителей».

При всѣхъ означенныхъ разговорахъ положеніе мое было непріятно и затруднительно: надобно было или молчать, или говорить не то, что на умѣ, и я рѣшился просить А. П. Ермолова сказать графу если не все, то хотя часть того, что ему извѣстно отъ В. И. Назимова. А. П. Ермоловъ нашелъ благопотребнымъ это сдѣлать, а я черезъ нѣсколько дней послѣ того отправился къ графу Закревскому, который свой разговоръ прямо началъ съ того, что недобрыя намѣренія въ Петербургѣ растутъ, и зерна ихъ брошены къ стыду Россіи въ Литву. На это, развязавъ уже языкъ, я сказалъ, что еслибы эти зерна были брошены въ другія губерніи, то едвали бы онѣ дали желаемые всходы и что не лучше ли будетъ теперь плыть уже по теченію и вмѣсто противодѣйствія составить практическій проектъ освобожденія крестьянъ, который по мнѣнію моему лучше самаго графа Арсенія Андреевича составить никто не можетъ.

Въ ту минуту, въ которую произносилъ я эти слова, допнуло расположеніе ко мнѣ графа. «Что я слышу?» воскликнулъ онъ. «Вы не только себя заявили на сторонѣ Петербургскихъ глупостей, но даже хотите, чтобы и я былъ орудіемъ разрушенія того порядка, на которомъ все держится. Я въ васъ ошибся. Съ какой стати вы суетесь, не будучи дворяниномъ, не въ свое дѣло?» — На это я откичалъ: «Не скрою отъ васъ, графъ, что слухъ объ освобожденіи крестьянъ наполняетъ мое сердце радостнымъ трепетомъ, и этого трепета я удержать не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ 15 тысячъ служащихъ, состоящихъ у меня на жалованьи въ разныхъ губерніяхъ, но моимъ дѣламъ, половина крѣпостныхъ, и мнѣ приходится каждый день встрѣчаться съ доказательствами неудобства крѣпостнаго состоянія».

«Замолчите!» грозно воскликнулъ графъ.

Я понялъ, что долженъ сейчасъ же удалиться и, исполняя это, прибавилъ, что я не буду смѣть являться, пока не получу приглашенія. Я поклонился и вышелъ; графъ не подалъ мнѣ руки.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, именно 18 Ноября 1857 года, пріѣхалъ въ Москву К. Д. Кавелинъ и сообщилъ, что высочайшіе рескрипты къ генералу Назимову объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ выйдутъ 20 Ноября. Радуюсь этому, мы (т. е. почти всѣ тѣ лица, которые отмѣчены графомъ Закревскимъ какъ возмутители) устроили семейный обѣдъ, во время котораго была получена изъ Петербурга депеша объ отправленіи вождѣленныхъ рескриптовъ въ Вильну. Тутъ же за обѣдомъ было рѣшено устроить во время Рождественскихъ праздниковъ большой торжественный обѣдъ въ Московскомъ купеческомъ клубѣ, и, чтобы закрѣпить значеніе обѣда въ общей памяти, предположено, чрезъ особыхъ артельщиковъ, угостить разныхъ торговыхъ служащихъ, такъ какъ большинство ихъ было изъ крѣпостныхъ людей. При этомъ, для обезсиленія начинавшихся тревожныхъ толковъ, было предположено раздать въ мѣстахъ угощенія по нѣскольку экземпляровъ записки, начинавшейся вышеупомянутыми словами А. П. Ермолова. Вотъ эта записка:

«Зардѣлась заря освобожденія крестьянъ. Зарю эту не заволокутъ никакія тучи, если помѣщичьи крестьяне будутъ, съ полнымъ повинновеніемъ своимъ помѣщикамъ, смирно и тихо ожидать окончательной развязки. Вся надежда на успѣхъ состоитъ единственно въ томъ, что многіе изъ крупныхъ помѣщиковъ желаютъ дать свободу крестьянамъ. Царь благословляетъ это желаніе и, если крестьяне будутъ держать себя покойно, тогда близокъ день общей радости; но если начнутся смуты и дерзости, въ такомъ случаѣ вмѣсто радости станутъ новыя бѣды и отдалятъ на долго день свободы. Стойте же крѣпко противъ всѣхъ злокозненныхъ внушеній и помните одно, что сила могущая освободить отъ рабства заключается въ самихъ крестьянахъ, то есть въ смиреніи, терпѣніи и направленіи всѣхъ сердечныхъ помысловъ къ вѣрѣ и твердому упованію на милость Божію и Царскую. Разносите эти слова по всѣмъ деревнямъ и селамъ».

Вѣроятно, означенная записка дошла до какого-то базарнаго села въ Волоколамскомъ уѣздѣ, гдѣ ее читали, и объ этомъ графъ Закревскій упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ князю Орлову, выражаясь будто безпорядки начались уже въ Волоколамскомъ уѣздѣ; но развѣ можно согласиться съ тѣмъ, что записка о смиреніи и терпѣніи подливала масла въ огонь? Далѣе въ письмѣ къ князю Орлову графъ Закревскій, говоря о моихъ статьяхъ, выразился такъ: «къ несчастію, его слушаютъ». Если принять это за истину, то и слава Богу, что на базарѣ вѣрили въ слова записки и слушали ее со вниманіемъ.

Послѣ обѣда 28 Декабря 1857 года, на который К. Д. Кавелинъ вторично пріѣхалъ изъ Петербурга (обѣдъ этотъ подробно описанъ въ Декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1857 г.), графъ Закревскій прислалъ за мной и наговорилъ мнѣ въ самыхъ желчныхъ выраженіяхъ такихъ страховъ и ужасовъ и такихъ угрозъ, что я счелъ за лучшее выслушать всѣ ихъ молча, безъ всякихъ возраженій. Потокъ словъ графа продолжался долго (10—20 минутъ) и когда онъ кончилъ, то я ему сказалъ: «Проникаясь значеніемъ вашихъ словъ, прошу позволенія удалиться въ вашу пріемную на полчаса времени, чтобы сообразить то что я долженъ вамъ отвѣчать; потому что я желаю непремѣнно выразить передъ вами откровенно все то что содержится въ моихъ мысляхъ». Графу повидимому понравился мой отвѣтъ, и онъ сказалъ: «Подите подумайте и воротитесь поговорить со мною по душѣ; это будетъ самое лучшее». Очевидно, что графъ ждалъ отъ меня какого-то раскаянія и признанія въ заблужденіяхъ.

Черезъ часъ я былъ уже опять въ кабинетѣ графа, и нижеизлагаемый разговоръ былъ уже послѣднимъ разговоромъ между нами и мною. Послѣ этого разговора я уже графа не видалъ. Я сказалъ ему слѣдующее: «Если разъ крестьянскій вопросъ поднять, то остановить его уже нельзя, потому что онъ имѣетъ свойство самовозгаранія, и чѣмъ болѣе будутъ гасить, тѣмъ сильнѣе будетъ горѣть. Вы, графъ, и защитники освобожденія крестьянъ идете къ одной цѣли—типинъ и спокойствію; разница только въ приемахъ. Вашъ приемъ—отодвинуть вопросъ на безконечное время, а приемъ защитниковъ—удовлетворить желаемымъ разрѣшеніемъ, т. е. всѣхъ крѣпостныхъ рабовъ перечислить въ общую гражданскую семью Россіи. Примите благосклонно въ соображеніе, что послѣ угнетающаго Русскій духъ Парижскаго мира Государь не отступитъ отъ своего предназначенія поддерживать духъ народа новымъ вѣяніемъ во всѣхъ благонамѣренныхъ его проявленіяхъ. Если вы изволите найти въ моихъ дѣйствіяхъ уклоненіе отъ общей пользы и несогласіе съ намѣреніями высшей власти, то исполняйте всѣ тѣ мѣры строгости, которыя вы мнѣ высказали. Вы, графъ, не разъ изволили рассказывать мнѣ, какія невзгоды вамъ приходилось переносить въ Отечественную войну. Позвольте же и намъ, сочувствующимъ освобожденію крестьянъ, выразить полную готовность на перенесеніе всѣхъ злослукій во имя важнаго историческаго значенія переживаемаго нами времени. Вотъ все что я придумалъ доложить вамъ въ отвѣтъ на ваши слова».

Графъ ни слова не промолвилъ и указалъ рукою на дверь, что равнялось выраженію—пошелъ вонъ!

Вѣроятно послѣ этого отвѣта графъ Закревскій и написалъ про меня князю Орлову: «онъ на все готовъ».

Возвратясь домой, я конечно не могъ не думать о всемъ случившемся, и столкновеніе съ графомъ Закревскимъ напомнило мнѣ подобный случай семейнаго столкновенія, бывшаго въ 1830 году между отжившимъ свой вѣкъ началомъ со вновь возродившимися обычаями. Вотъ этотъ случай. Въ Костромѣ у меня была двоюродная бабушка; жила въ изобиліи, но очень просто, ходила въ сарафанѣ и сама стряпала. Она выдала дочь за дворянина, и на свѣтъ явилась внучка, которую воспитывали сначала дома, безъ затѣй, а потомъ отвезли въ Екатерининскій институтъ въ Москву. Послѣ образованія въ институтѣ привезли внучку въ Кострому, и когда она явилась къ бабушкѣ, то немедленно сдѣлала ей самый почтительный реверансъ. Бабушка, въ испугѣ, не обнявъ даже внучки послѣ долгой разлуки, бросилась скорѣе въ кухню, почерпнула стаканъ воды, положила туда три уголька и, набравъ воды въ ротъ, пришла въ гостинную (гдѣ пріѣзжая давай опять дѣлать реверансы) и начала усердно спрыскивать свою внучку изо рта водой, а потомъ, едва усадивъ ее и насильно унявъ отъ покушенія на безпрестанные реверансы, стала ее крестить, приговаривая: «Экъ тебя корежитъ, до родимца довели супостаты! Да не бойся, мое дитятко, пройдетъ; надо только спрыскивать да отчитывать изъ Св. Писанія утромъ и вечеромъ».

Суть дѣла оказалась въ томъ, что бабушка модные реверансы приняла за корчи отъ нечистой силы.

Исторія назоветъ Александра II-го реформаторомъ, какъ и Петра Перваго. Въ реформахъ Петра слышно грозное приказаніе Русской женщинѣ слѣзать съ палатей и обратиться въ барыню, чтобы танцовать и вращаться въ обществѣ; въ реформахъ же Александра II-го слышно вѣжливое приглашеніе этой Петровской барынѣ пожаловать на кухню стряпать и затѣмъ навѣщать курятники и скотные дворы для ближайшаго наблюденія за хозяйствомъ. Вся бѣда оказалась въ томъ, что уничтоженіе крѣпостнаго дароваго труда соединилось съ безкредитнымъ удушьемъ и безпросыпнымъ пьянствомъ; потому что одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ были закрыты Опекунскіе Совѣты и разрѣшено безграничное открытіе кабаковъ. Отъ всего этого угнетеніе сельскаго хозяйства было сильнѣе тягостей 1812 года, холеры и т. п. бѣдствій, и у большинства помѣщиковъ скотные дворы и другія усадебныя строенія провалились, не сохранивъ

ни скота, ни домашнихъ птицъ. Вотъ какіе горькіе плоды принесла самая благотворная реформа, потому что переходъ къ новому быту и выработанныя для него основанія сочинены безъ участія такихъ извѣстныхъ хозяевъ, какимъ былъ графъ А. А. Закревскій. Основаніемъ новаго законодательства послужили разныя книжки безъ участія *утробнаго ума*.—Читатель, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ вопросъ, что это такое за умъ, называемый утробнымъ. Это постоянное выраженіе графа Закревскаго про разныхъ лицъ; про иныхъ онъ говорилъ: «у него умъ книжный, вбитый въ него какъ попало», а про другихъ выражался онъ такъ: «у этого умъ утробный, образовавшійся въ то время, когда онъ былъ еще въ утробѣ матери». Далѣе графъ прибавлялъ: «утробный умъ беретъ изъ книжекъ только то, что ему нужно и для дѣла полезно».

Очевидно, что Царь-Освободитель имѣлъ свои причины и основанія вырабатывать положеніе 19 Февраля 1861 года съ преимущественнымъ участіемъ молодыхъ силъ. Быть можетъ, это основаніе заключалось въ томъ, что «вива новаго не вливаютъ въ мѣхи старыя».

Преклонимся благоговѣнно предъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія, вручившаго довершеніе начинаній Александра II-го Царю-Устроителю Александру III-му. Мы уже ясно видимъ, въ настоящее счастливое царствованіе, начало такого сельскаго благоустройства, которое, поддерживая Русское хозяйство денежными средствами, дастъ возможность землевладѣльцу и земледѣльцу обзавестись не только скотомъ, но и всѣми потребностями, необходимыми для здороваго питанія. Вся Россія приветствуетъ это благотворное попеченіе о дѣйствительномъ улучшеніи народнаго быта.

Не надобно, однако, скрывать отъ себя, что заботливыя и мудрыя указанія Государя Императора имѣютъ двухъ страшныхъ враговъ, могущихъ все лучшія побужденія Его человеколюбиваго сердца обратить въ ничто. Одинъ врагъ называется—кабакъ, задранированный теперь въ одежду винныхъ лавокъ, харчевень и т. д., другой—неимѣніе мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокуренъ, безъ которыхъ немыслимо ни разведеніе скотоводства, ни удобреніе почвы въ 15-ти сѣверныхъ губерніяхъ, лишенныхъ природнаго чернозема.

Очень естественно, что при описаніи событій, которымъ минуло $\frac{1}{4}$ столѣтія, многое ускользаетъ изъ памяти, и при новыхъ воспоминаніяхъ приходится *въ догонку* сказаннаго писать дополненія. Такъ случилось и со мной. Впрочемъ, кромѣ дополненій является необходи-

мость и критическаго разбора давнопрошедшихъ взглядовъ и дѣйствій, а такая критика возможна только тогда, когда всякая страстность уже отъ времени полиняла. Хотя нельзя было удержаться отъ воспламененія чувствъ, произведеннаго сценою у А. П. Ермолова, но теперь я не могу не сожалѣть о томъ, что вошелъ въ кабинетъ Ермолова въ ту минуту, когда Назимовъ, стоя на колѣняхъ, принималъ отъ него благословеніе. Эта сцена и потомъ молитва старца невольно вызвали его на откровенность; но если бы я вошелъ въ кабинетъ только двумя часами позднѣе отъѣзда Назимова, тогда Ермоловъ, конечно, не передалъ бы мнѣ сообщенной ему Назимовымъ государственной новости о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ; я бы объ этомъ узналъ изъ газетъ по прочтеніи въ нихъ Литовскихъ рескриптовъ, и тогда бы, оставаясь невоспламененнымъ сценою у А. П. Ермолова, гораздо бы менѣе увлекался и не утратилъ бы расположенія ко мнѣ графа А. А. Закревскаго, котораго природный практическій умъ, соединенный съ твердою властью и быстрою распорядительностію, всегда наполнялъ меня безграничнымъ и чистосердечнымъ къ нему уваженіемъ, которое и было причиною, что я высказалъ графу откровенно мой взглядъ на крестьянское дѣло; но эта-та откровенность составила, какъ показали послѣдствія, мою ошибку: графъ остался непреклоненъ въ своихъ воззрѣніяхъ, потому что въ нихъ, по его убѣжденію, онъ видѣлъ основу государственнаго благоустройства. Кромѣ того, графу казалось, что всѣ разговоры объ освобожденіи крестьянъ составляютъ какую-то шутку, въ которую вовлекается Государь потокомъ говоруновъ; но когда дѣло дойдетъ до рѣшенія стариковъ (членовъ Государственнаго Совѣта), тогда обнаружится вся несостоятельность замышляемаго преобразованія, вреднаго для помѣщиковъ и крестьянъ.

Графъ готовъ бы былъ идти на уничтоженіе весьма многихъ правъ помѣщиковъ по владѣнію крестьянами, но съ тѣмъ, чтобы руководство крестьянскимъ бытомъ оставалось за помѣщиками. Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ графа слагался изъ его внутренняго совѣстнаго убѣжденія въ томъ, что крестьяне его и его графини живутъ лучше казенныхъ крестьянъ и вполне благоденствуютъ. И дѣйствительно, въ имѣніяхъ графа были школы и больницы, были хорошія просторныя избы и скотные дворы у крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей и коровъ, однимъ словомъ, было полное довольство, выражавшееся на наружномъ видѣ крестьянъ, въ здоровомъ цвѣтѣ лица и приличной одеждѣ. Все это достигалось тѣмъ, что за худо вспаханную и мало удобренную полосу земли и за пьянство полагалось строгое взысканіе. Клябаковъ въ имѣніи графа нигдѣ не допускалось, и въ тоже время для варки корчажнаго пива въ деревняхъ

къ праздникамъ графъ дарилъ крестьянамъ отъ себя хмѣль и въ дни сельскихъ праздниковъ заходилъ самъ къ крестьянамъ пробовать пиво, раздавая при этомъ крестьянскимъ дѣтямъ пряники, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ. По мнѣнію графа, полная свобода должна произвести своеволіе, которое въ свою очередь породить пьянство, самодурство и обнищаніе. Къ несчастію, всѣ эти предположенія оправдались. Горькія послѣдствія произошли отъ того, что для новой крестьянской жизни были сочинены правила, продиктованныя умозрѣніемъ безъ всякаго согласованія ихъ съ дѣйствительными потребностями народной жизни.

Какъ изъ этого событія, такъ и изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему большихъ и малыхъ нововведеній, взятыхъ даже за цѣлыя столѣтія, ясно обнаруживается, что общее государственное благоустройство достигается сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ, и только въ періодъ сознанія можно выйти на путь полного исправленія. Въ настоящее время, благодаря заботливости и мудрости Царской, Русская жизнь выступаетъ на спасительный путь сознанія сдѣланныхъ ошибокъ: уничтоженные Опекунскіе Совѣты (замѣненные акціонерными, земельными банками, которые народный *утробный* умъ называетъ мышеловнами) вѣнцы образуются въ видѣ правительственныхъ банковъ, дворянскаго и крестьянскаго. Кроме того, проявилось еще другое важное сознаніе, это сознаніе безполезнаго водотолченія въ разныхъ коммиссіяхъ, вслѣдствіе чего прекратила свое дѣйствіе, къ общему удовольствію, та громадная толчея, которая посягала на выработку новыхъ уставовъ для Русской жизни. И такъ очевидно и неоспоримо, что мы идемъ къ освобожденію Русской мысли отъ канцелярскаго лжемудрствованія и несомнѣнно достигнемъ берега спасительной простоты, въ которой заключаются и способность познанія нашихъ нуждъ и потребностей, и разумные способы къ удовлетворенію ихъ, если только мы доживемъ до дѣйствительнаго освобожденія Русской жизни отъ угнетающихъ осложнений или, говоря прямо, до уничтоженія чиновъ.

Василій Нокоревъ.

10 Сентября 1885 г.

Ушаки.

